

Н. С. Лесков.

Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко

Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 т.

М., Государственное издательство художественной литературы, 1957;

Том 10, с. 5-246.

OCR: sad369 (г. Омск)

В мяч не любил он играть никогда:
Сам он был мячик - судьба им играла.
А. Плещеев.

Итак, осиротела малороссийская лира. Лежит в гробу ее бездыханный поэт. Тараса Григорьевича Шевченко не стало. Сегодня гроб его опустили в сырую могилу на Смоленском кладбище, напутствуя его прощальным словом и братскою слезою. Не стану говорить, как велика эта потеря для малороссийской литературы в эпоху ее возникновения, в день рождения "Основы", которой покойный поэт сочувствовал всей душой. Значение Шевченко известно всякому, кто любил родное славянское слово и был доступен чему-нибудь высокому, изящному, - но не могу отказать себе в удовольствии поделиться с читателями "Русской речи" теми впечатлениями, которые оставили во мне последняя моя встреча с покойным поэтом и последняя моя разлука с ним у его могилы.

Из петербургских газет, я думаю, всем уже известно, что Т. Г. Шевченко прихварывал еще с прошлой осени, а в конце января этого года он уже почти не оставлял своей квартиры в доме Академии художеств. Квартира эта, отведенная ему после возвращения его в Петербург, состояла из одной очень узкой комнаты, с одним окном, перед которым Шевченко-художник обыкновенно работал за мольбертом. Кроме стола с книгами и эстампами мольберта и небольшого диванчика, обитого простою пестрой клеенкой, двух очень простых стульев и бедной ширмы, отгораживавшей входную дверь от мастерской художника, в этой комнате не было никакого убранства. Из-за ширмы узкая дверь вела по узкой же спиральной лестнице на антресоли, состоящие из такой же комнаты, как и внизу, с одним квадратным окном до пола: здесь была спальня и литературный кабинет Шевченко-поэта. Меблировка этой комнаты была еще скуднее. Направо в угле стоял небольшой стол, на котором обыкновенно писал Шевченко; кровать, с весьма незатейливой постелью, и в ногах кровати другой, самый простой столик, на котором обыкновенно стоял графин с водой, рукомоийник и скромный чайный прибор.

Около года я не был в Петербурге и, возвратясь в конце января в северную Пальмиру, тотчас отправился поклониться поэту. Возле его дверей мне встретился солдат, который обыкновенно ему прислуживал. "Дома Тарас Григорьевич?" - спросил я его. "Нетути, - отвечал служака, - он нонеча рано еще уходил из дома". Я, однако, подошел ближе к двери поэта с намерением положить в створной паз мою карточку, как я прежде часто делывал, когда не заставал его дома, но, к крайнему моему удивлению, дверь от легкого моего прикосновения отворилась. В комнате, служившей мастерской художнику, никого не было, а наверх я не хотел идти, боясь обеспокоить поэта, и стал надевать мои калоши. "Кто там?" - раздалось в это время сверху. Я узнал голос Шевченко и назвал свою фамилию "А... ходить же, голубчику, сюда", - отвечал Тарас Григорьевич. Войдя, я увидел поэта: он был одет в коричневую малороссийскую свитку на красном подбое и сидел за столом боком к окну. Перед ним стояла аптечная банка с лекарством и недопитый стакан чаю. "Извинить, будьте ласковы, шо так принимаю. Не могу сойти вниз, - пол там проклятый, будь он неладен. Сидайте". Я сел около стола, не сказав ни слова. Шевченко мне показался как-то странным. Оба мы молчали, и он прервал это молчание. "Вот пропадаю, - сказал он. - Бачите, яка ледащица з мене зробылась". Я стал всматриваться пристальней и увидел, что в самом деле во всем его существе было что-то ужасно болезненное; но ни малейших признаков близкой смерти я не мог уловить на его лице. Он жаловался на боль в груди и на жестоку одышку: "пропаду", - заключил он и бросил на стол ложку, с которой он только что проглотил лекарство. Я старался его успокоить обыкновенными в этих случаях фразами, да, впрочем, и сам глубоко верил, что могучая натура поэта, вынесшая бездну потрясений, не поддастся болезни,